

УДК 614.8:159.9:2

МЕНТАЛЬНЫЙ ТЕРРОРИЗМ ГИБРИДНЫХ ВОЙН И СИНЕРГЕТИКА АСИММЕТРИЧНОЙ ОБОРОНЫ

© 2014 г. П. И. Сидоров

Северный государственный медицинский университет, г. Архангельск

В статье обосновывается возрастание роли ментального терроризма и ментального оружия в современных гибридных войнах. Выделена фрактальная динамика развития деструктивных социальных эпидемий тоталитарных культов как форм ментального терроризма на модели церкви сайентологии. Показано значение международных сект и финансово-культовых пирамид в деформации общественного сознания. Обосновано отнесение сайентологических «одиторов» к универсальным солдатам ментального фронта Цивилизационной Войны. Предложена стратегия асимметричного ответа на угрозу глобального моментального удара в виде развития гибридных нейробионических оборонительных систем – инверсионных технологий, объединяющих электронно-информационные и биомедицинские, социально-психологические и духовно-нравственные ресурсы ментальной экологии и ментальной медицины. Выделены тенденции дисперсии парадигмы глобальной безопасности в современном гибридном мире и обоснована необходимость организации международной научной программы «Ментальная экология Глобальной Безопасности».

Ключевые слова: ментальный терроризм, гибридная война, социальные эпидемии, глобальный моментальный удар, гибридные нейробионические оборонительные системы, ноосферный резильянс

Одним из передовых штурмовых отрядов, запускающих серийные «цветные революции», явилась сайентология — зонтичная структура спецслужб, профессионально деформирующая общественное сознание страны-мишени, выполняющая миссию ментального терроризма в гибридных войнах, перерастающих на наших глазах в *Цивилизационную Войну*.

Задачей статьи является концептуально-методологическое обоснование возрастающей роли ментального терроризма и ментального оружия в цивилизационной войне, описание фрактальной динамики развития сайентологической пандемии, оценка возможностей гибридных нейробионических оборонительных систем на синергетической биопсихосоциодуховной методологии ментальной экологии и ментальной медицины, выделение основных тенденций дисперсии и инверсии парадигмы глобальной безопасности в современном гибридном мире.

Синергетическая биопсихосоциодуховная методология

Синергетика — междисциплинарная наука о развитии и самоорганизации, занимающаяся изучением систем, состоящих из большого числа частей или компонентов, сложным образом взаимодействующих между собой.

Основными *принципами синергетики* являются: нелинейность и неустойчивость, незамкнутость и наблюдаемость, динамическая иерархичность. *Методология синергетики* основана на интегративном подходе к изучению термодинамически открытых и неравновесных диссипативных структур.

Диссипативные структуры — это дискретные самоорганизующиеся системы, рассеивающие энергию, отличающиеся спиралеобразным развитием в многомерном пространстве, траектория и автоколебательная амплитуда которого носит многовариантный характер, предопределяясь сложением разнонаправленных сил и факторов в *точках бифуркации*. Диссипативные структуры присутствуют и образуются в социуме и биосфере, проходя периодически процессы самоорганизации, подчиняясь внутренней логике развития, усложняясь или деградируя в процессе существования.

Важным понятием синергетики является *странный аттрактор* — объект в фазовом пространстве, к которому стремятся почти все траектории и на котором они неустойчивы. Аттрактор относится к классу *фракталов* (лат. fractus — фрагментированный) — объектов, характеризующихся дробной размерностью и разнонаправленностью траекторий развития. Фрактал — фигура, обладающая свойством самоподобия, состоящая из частей, каждая из которых подобна всей фигуре и обладает нетривиальной структурой. Так, фрактальная архитектура и

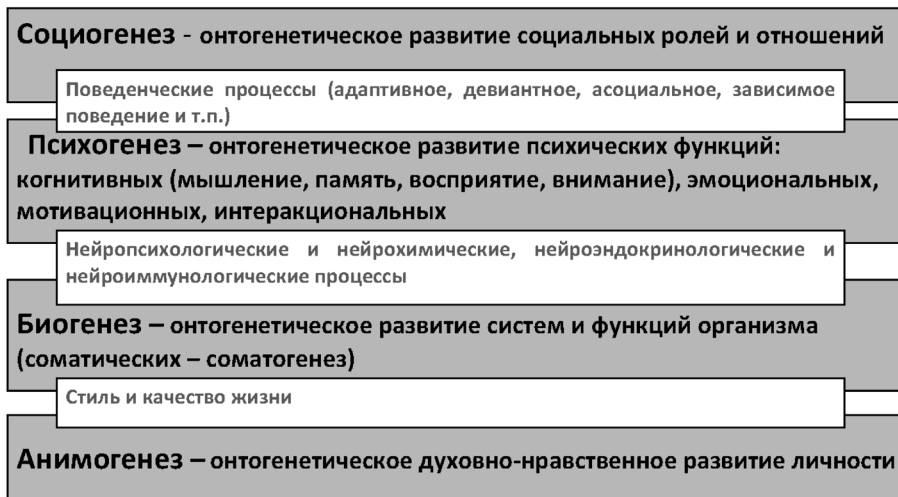

Рис. 1. Биопсихосоциодуховная модель онтогенеза

дизайн ретранслируются на микро- и милли-, мезо- и макроуровни от молекул ДНК до галактических спиралей. В клинической медицине фрактал – это одновременно развитие и состояние, объединяющее временные и качественные характеристики системы или организма. Фрактал – это проекция на естественно-научное поле квантовых представлений.

Фрактальная динамика – это переход квантовой системы из одного возможного состояния в другое через бифуркацию, минуя которую диссипативная структура начинает стремиться к новому аттрактору. В клинической медицине это соответствует развитию психосоматических расстройств или излечению – в зависимости от того, какой из аттракторов (ведущих к прогрессивности или ремиссии) оказывается более актуальным.

Психосоматическое здоровье человека невозможно представить в изолированном виде – без взаимодействия и влияния множества внутренних и внешних факторов. В результате возникает сложная и нелинейная, неустойчивая и незамкнутая самоорганизующаяся диссипативная система.

Разработанная нами [19] **синергетическая биопсихосоциодуховная концепция** онтогенеза представлена четырёхъядерной или четырёхмерной моделью, состоящей из векторов или плоскостей сомато- и психо-, социо- и анимогенеза (рис. 1).

Анима, анимус (лат. *anima* – душа и *animus* – дух) – понятия, выражающие в древнегреческой культуре феномен духовного и выступающие этапами эволюции осмысления духовности: если анима (душа) неотделима от своего телесного носителя, то анимус (дух) обладает статусом автономии. Анимогенез – термин, интегрирующий представления о душе и духе, обозначает центральную четвертую часть предложенной онтогенетической модели (рис. 2). Основные плоскости онтогенеза проникают друг в друга, определяя переходные зоны и центральную часть, содержанием которой является сознание – высший уровень саморегуляции и отражения действительности, аккумулирующей духовно-нравственный потенциал.

Модель предполагает мультидисциплинарный и интегральный подход к комплексным и сложным психосоматическим причинно-следственным отношениям.

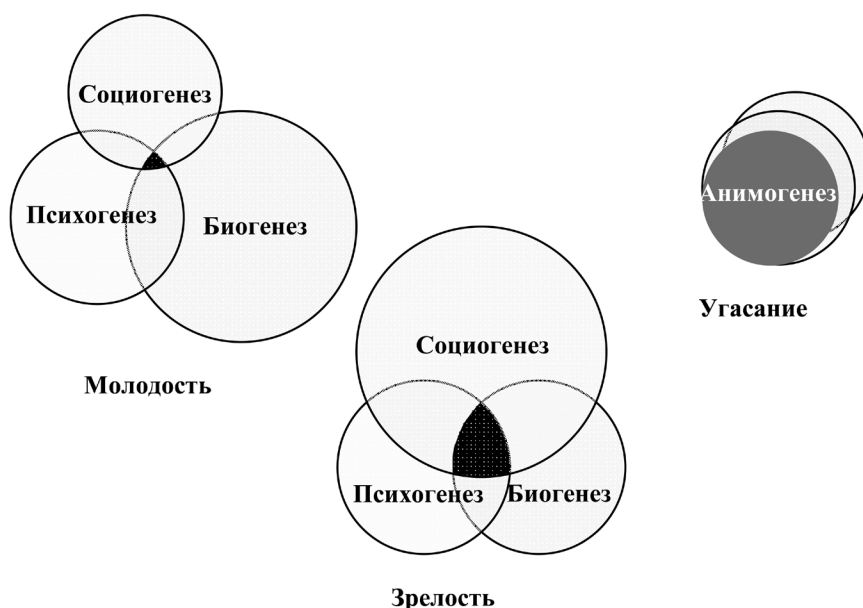

Рис. 2. Динамика биопсихосоциодуховной ассимиляции

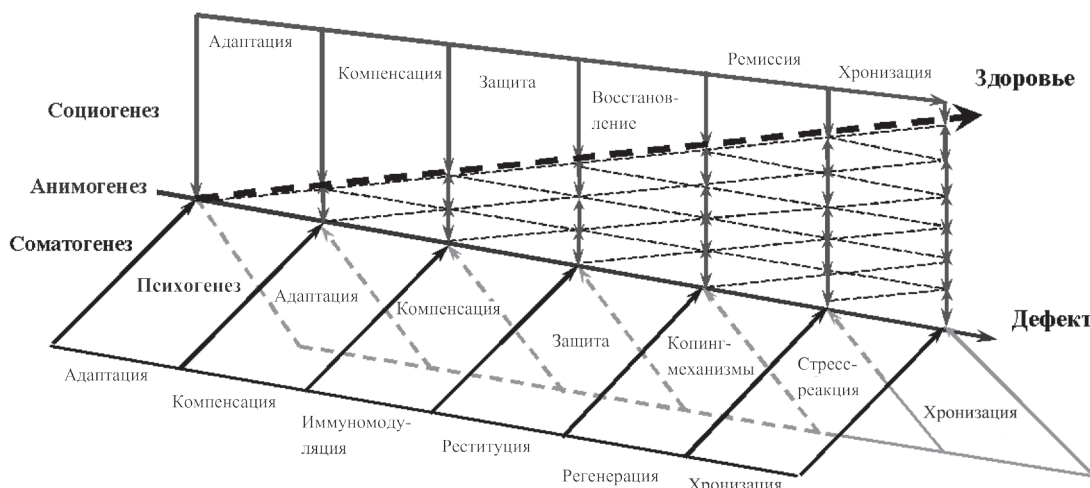

Рис. 3. Фрактальная траектория развития состояний (заболеваний) и защитные механизмы

Траектории развития состояния или заболевания задаются и корректируются в точках бифуркации, приобретая спиралеобразность и многовариантность. Исключительно для удобства зрительного восприятия на рис. 3 представлена прямолинейная траектория развития психосоматического заболевания.

На смену традиционной линейной динамике приходит синергетическая нелинейная фрактальность. Синергетика рассматривает человеческий организм как сложную открытую систему с нелинейно протекающими процессами. Основой такого поведения являются полимодальные механизмы защиты и возникновения внутренних флуктуаций. При накоплении большого числа флуктуаций, как эха факторов риска, они дают каскадные и кумулятивные эффекты в точках бифуркации, изменяя траекторию развития системы.

Предложенная методология позволяет формулировать клинический и психологический, социальный и моральный диагнозы, складывающиеся в *синдро-*

мальный синергетический функциональный диагноз (рис. 4). Только такой подход позволяет эффективно реализовывать персонализированные мультидисциплинарные протоколы в ментальной медицине [11].

Основные понятия ментальной экологии

Ментальность — способ видения мира, сформированный в процессе воспитания, образования и обретения жизненного опыта в конкретной культурной среде.

Ментальное здоровье, по определению ВОЗ (2001), — психическое благополучие человека, которое позволяет ему реализовать собственный потенциал, помогает противостоять стрессу, продуктивно работать и вносить свой вклад в развитие общества.

Ментальная экология — раздел экологии человека, изучающий многовариантные взаимоотношения в системе «окружающая среда — общество — личность».

Рис. 4. Синергетическая функциональная диагностика в ментальной медицине

Ментальная медицина — синергетическая наука, изучающая этиопатогенез и диагностику, клинику и лечение психических расстройств, биопсихосоциодуховные ресурсы развития личности и общества. Ментальная медицина в рамках единой методологии объединяет укрепление ментального здоровья и лечение ментальных недугов, интегрируя традиционные нозоцентрические ресурсы клинической психиатрии и здравооцентрический потенциал ментальной превентологии.

Ментальная превентология — раздел общей превентологии, наука о путях формирования и поддержания оптимального уровня ментального здоровья, психогигиене и психопрофилактике на системной и мультидисциплинарной синергетической основе.

Служба ментального здоровья — синергетический биопсихосоциодуховный Ψ-кластер общества и государства, обеспечивающий превентивно-коррекционную защиту ментального здоровья и лечебно-реабилитационную помощь при ментальных недугах.

Системный мониторинг ментального здоровья — мультидисциплинарный комплексный мониторинг, направленный на установление причинно-следственных связей в системе «окружающая среда — общество — трудовой (учебный) коллектив — семья — личность». Он объединяет в рамках единой синергетической методологии профильные информационные базы, давая объективную картину и прогноз, динамику и ритмику социально значимых ментальных и поведенческих процессов.

Социальные эпидемии — это возникновение в коллективе или на территории случаев (вспышек) социальной болезни с частотой, существенно превышающей обычно ожидаемую. Социальные эпидемии переходят в разряд **деструктивных**, когда начинают угрожать национальной безопасности всей страны в целом. В этом случае включаются **механизмы генерализации, расширенного и неконтролируемого воспроизводства** социальных недугов, раскручивая интенсивность эпидемического процесса до **пандемии**, охватывающей не только страны, но и континенты.

Неокульты относятся к полимодальным викарным зависимым расстройствам, заполняющим нравственно-психологическую пустоту. Сайнтология является одним из вариантов **ментального терроризма** — деструктивного меркантильного манипулирования сознанием.

Ноосфера, по В. И. Вернадскому, — это сфера взаимодействия общества и природы, в границах которой разум или сознание человека становятся ведущим фактором развития. В рамках целеполагания статьи отметим только один из глубинных психоаналитических мотивов создателя «ноосферного учения», который явно звучит во внешне избыточно пафосном и трепетно политкорректном «марксистско-ленинском» рефрене. Говоря современным языком, это послание «товарищам большевикам» о том, что манипулирование индивидуальным и общественным сознанием имеет границы, выход за которые саморазрушителен

даже для «марксистско-ленинского сектантства». Вся история XX века многократно это подтвердила, продемонстрировав, как, казалось бы, тактически безупречные политехнологические сценарии приводили к стратегическому эквивалентному краху. С тех пор информационные манипуляции эволюционировали в ментальный терроризм, анализ отражения которого в «ноосферном зеркале» требует привлечения синергетической методологии ментальной экологии.

От информационного оружия «холодной войны» к ментальному терроризму гибридной

Ведущей характеристикой эпохи «холодной войны» было ядерное противостояние, представленное паритетом боеголовок и средств доставки. Используя хрестоматийные образы и смыслы той эпохи, в рамках сравнительной ассоциативной модели, можно сказать, что 45 лет назад с появлением Интернета человечество обеспечило себе новый качественный научно-технический прорыв, «расщепив» ноосферу или глобальное сознание на виртуальный и реальный мир, запустив сингулярную «цепную реакцию» саморазвития и самоуничтожения. Образно говоря, это антропогенное зеркальное отражение техногенного расщепления атомного ядра, ассоциирующееся даже с названием **зеркальных нейронов** коры головного мозга, являющихся возможными рецепторными матрицами ментальной интернет-вирусологии, запускающими механизмы индукции и «цепные реакции» социальной эпидемиологии.

В самом деле, инфокоммуникативные инструменты являются ведущими характеристиками современного сингулярного мира, в котором по экспоненте развивается и научно-технический прогресс, и эпидемические социальные недуги. Так, радио понадобилось 40 лет, чтобы охватить 50 млн человек, телевидению — чуть больше 10 лет, а Интернету хватило трех. Если в 1993 году в «глобальной паутине» насчитывалось не более 50 сайтов, то сегодня их число превышает миллиард! Интернет стал нейробионическим инструментом глобального общественного сознания и личного ментального здоровья. Опыт ведения информационных войн в «досетевую» эпоху радикально трансформировался с учетом новых технологических возможностей [15].

Если в американском Лос-Аламосе критическую массу урана определяли путем сближения двух кусочков отвертками, очень конкретно рискуя собственной жизнью, то сегодня «критическую массу» деформированного общественного сознания для запуска не менее драматичной «ноосферной цепной реакции» определяют на вирусных ментальных моделях в глобальной компьютерной сети и разрушительных практических итогах «цветных революций». Можно сказать, что это новый **популяционный класс клинических испытаний без правил**. Гуантанамо отдыхает...

Если боевое применение атомного оружия исчерпывается двумя бомбардировками Хиросимы (90—166 тыс. погибших) и Нагасаки (60—80 тыс.

погибших), то найти корректную или хотя бы приближительную статистику многомиллионного количества жертв и пострадавших от ментального оружия просто невозможно, поскольку потери списываются на вторичные и кумулятивные разрушительные эффекты — *это анонимное оружие, не позволяющее даже идентифицировать агрессора.*

Ирония истории в том, что сингулярные механизмы саморазвития в локальных «ядерных ноосферных взрывах» пока еще удается гасить или компенсировать, хотя и с очевидными тяжелейшими и необратимыми последствиями. Однако прогнозирование приближения к точке невозврата «термоядерного ноосферного взрыва» пока остается открытой задачей. И здесь именно синергетическая методология ментальной экологии позволяет как минимум улучшить качество исследовательских моделей.

Прогнозов и сценариев планетарной катастрофы существует великое множество, в целом свидетельствующее о гипотетической реалистичности постановки вопроса. Практическое понимание эксклюзивности и неповторяемости вселенских бедствий проявляется в том, что очень немногие энтузиасты строят новые генерации «Ноевых ковчегов» в виде мистралеподобных яхт, но и миллионы атомных бомбоубежищ (Китай, Америка и т. д.) вряд ли смогут стать чем-то иным, кроме некропольного сервиса. Только интегральные синергетические характеристики *ноосферного резильянса* [12], измеряемые ментальной экологией, могут приблизить к реалистичной оценке цивилизационных ресурсов жизнеобеспечения.

Образ «критической массы» деформированного общественного сознания можно также сравнить с *«вирулентным симулякром»* виртуально мира, индуцирующим ментальную репрезентацию (или репликацию по Р. Доукинсону) и запускающим резонансно-когерентные «цепные реакции» эпидемического поведенческого самоуничтожения субъектности реального мира.

При этом у каждой страны и у каждого народа такая «критическая масса» своя. Разворачивающаяся на наших глазах увертюра цивилизационной войны уже выстраивает на карте Мира новый *«децивилизационный рейтинг»* буквально взорванных терроризмом стран и народов. Образ медийного клише «горячих точек» давно остался только в детских сказках и телеприключениях смешариков...

Миссию детонатора «цепной реакции» взрыва общественного сознания может выполнить любой актуальный повод, но решающее значение имеет только инфокоммуникативное сетевое обеспечение процесса, запускающего генерализацию социальной эпидемии.

Заданный «ядерно-ноосферный» ассоциативный ряд может быть дополнен *ударной волной* протестных выступлений и погромов; *проникающей информационной радиацией* новых радикальных и экстремистских движений; *кумулятивными зарядами* многоуровневой деформации ментальности, приводящими к перmissивности и анонии;

разделяющимися боеголовками многоцелевого разрушения ценностей и смыслов традиционного общества; *отдаленными последствиями* в виде посттравматического стрессового расстройства и социально-стрессового расстройства, ноогенных неврозов и т. п.

Современные «цепные реакции» расщепления и деформации общественного сознания проявляются в том числе галолирующим ростом деструктивных социальных эпидемий радикализма и экстремизма, фанатизма и терроризма. На этом фоне «холодная война» эволюционировала в *гибридную войну*, системно и комплексно использующую все виды оружия (ядерного и физического, биологического и химического, информационного и терроризма) в мощных и эшелонированных атаках, учитывающих гибкую и сложную динамику боевого пространства в масштабе глобального мира, требующего быстрых и адресных адаптивных и эффективных реакций.

Самой крупной американской победой в новой генерации гибридных войн явилось разрушение СССР, по поводу которого президент США Б. Клинтон на совещании начальников штабов сказал: «Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, с помощью умело примененного электронно-информационного воздействия мы добились того, что собирався сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы» [4].

Такую практику можно назвать *стратегической ментальной ловушкой*, сводящейся к тому, чтобы не дать наивному противнику за либерально-демократическими деревьями увидеть лес сырьевого неоколониализма. Ментальная ловушка — это наукообразный эвфемизм, обозначающий банальную человеческую глупость, которая становится стратегической в исполнении государственного деятеля. Приоритетной задачей информационных войн всегда было сетевое инспирирование подобных ловушек под пафосную либерально-демократическую аранжировку.

В истории гонки ядерных вооружений *критический период* односторонне-американского технологического превосходства продолжался 4 года от первого испытания атомной бомбы в Нью-Мексико в июле 1945 года до первого испытания советской атомной бомбы в августе 1949-го. Сегодня такой же критический период, когда научно-технологическое опережение американцев определяется системным администрированием и продюсированием Интернета, качеством спутниковой группировки и глобального мониторинга и т. п. Десять лет назад, обосновав необходимость и предложив пилотные модели системного мониторинга ракетно-космической деятельности и системного экологического мониторинга, системного мониторинга ментального здоровья и службы ментального здоровья, мы показали значимость этих инструментов для обеспечения национальной безопасности [3, 8, 9, 13, 14, 17]. В 2007 году мультидисциплинарный коллектив исследователей получил даже Премию Правитель-

ства РФ в области науки и техники за «Разработку и внедрение системного экологического мониторинга как компонента стратегической безопасности». К сожалению, в «нулевые годы» актуальность восприятия внедренческих перспектив ряда приоритетных проблем безопасности была близка к нулю.

В современной ситуации лавинообразно нарастающих санкций и их последствий руководством страны уже приняты оперативные решения о новой военной доктрине и системной информационной безопасности, запуске новой генерации спутников связи и адаптивной защите общественного сознания как интегрального качества ментального здоровья нации. **Новейший виток гонки вооружений превратил в гибридное оружие практически все ресурсы жизнеобеспечения, сделав Гибридный Мир тотальным театром боевых действий.**

Попытка втягивания России и Православного Мира в саморазрушительную гибридную гражданскую войну на Украине, вслед за уже полыхающим и взрываемым терроризмом Исламским Миром, превращает такую войну в цивилизационную — уничтожающую страны и народы, останавливающую развитие и угрожающую цивилизационным суицидом [10].

За последнюю четверть века все больший удельный вес в гибридном вооружении занимает **ментальный терроризм** — взрывное меркантильное манипулирование сознанием или совокупность способов и методов целенаправленного разрушительного воздействия на ментальность человека с целью реализации интересов манипулятора. **Ментальная террористическая война** как широкомасштабное использование форм ментального терроризма характеризуется:

- галопирующим ростом тотальной жестокости и немотивированного насилия;
- дегуманизацией и деморализацией общественного сознания;
- генерализацией всех форм социальных эпидемий;
- ростом аномии и перmissивности, создающими панику и хаос;
- сетевым инспирированием конфликтов и провокаций, массовых беспорядков и гражданских войн;
- дестабилизацией социально-политической обстановки;
- интенсивной и односторонней дезинформацией населения;
- разжиганием национально-религиозных противоречий.

Глобальная паутина всё в большей степени становится ареной боевых действий. **Ментальный кибертерроризм** — это агрессивное манипулирование сознанием пользователей Интернета, запускающее сетевые панические и социально-стрессовые реакции, позволяющие мобилизовать огромные массы людей. «Назначение» Алаа Фатхи на роль «сетевого египетского Моисея» является в значительной степени лишь легитимизацией всенародного протеста, системные администраторы и продюсеры которого реально находились очень далеко, а виртуально — внутри

общественного сознания Тахрира, дизайн которого в существенной мере конструировался ментальной вирусологией.

Ментальные вирусы — симулякры, способные изменять сознание, переструктурировать и деформировать ментальность, размывать и разрушать уникальный наноландшафт идентичности. Понятие симулякров как виртуальных копий, отсутствующих в реальности, во многом является цифровой эволюцией классических мисогенов и мисеформ.

Сами термины «ментального кибертерроризма» и «ментальных вирусов» в научном плане целенаправленно и последовательно абсолютно скомпрометированы в Интернете чудовищным спамом. Можно только предположить, что это делается для дезактуализации и маскировки анонимности ментального оружия. Не случайно на заседании Совета Безопасности РФ 1.10.2014 года Президент России В. В. Путин призвал относиться к Интернету как к оружию массового поражения.

В предложенной нами рабочей классификации деструктивных социальных эпидемий ментальный терроризм присутствует во всех видах и формах терроризма либо как самостоятельный феномен (викарные и созависимости), либо как фрактал развития более социально-опасных форм [19].

Социальная эпидемия ментального терроризма — это генерализованное, расширенное и неконтролируемое воспроизводство форм деструктивной психической зависимости в виде:

- экспансивных финансовых пирамид;
- псевдорелигиозных неокультов;
- тоталитарных сект;
- экстремистских организаций;
- фанатизма и радикализма;
- террористических организаций и др.

Уникальность сайентологии как финансово-культурной пирамиды позволяет отнести ее к любой из перечисленных групп, а сайентологических «одиторов» к наиболее универсальным солдатам ментальной войны.

Можно сказать, что **ментальное оружие** — это новое качество эволюции информационно-психологических вооружений «холодной войны» в современные гибридные нейробионические боевые системы, обеспечивающие глобальное и эпидемичное, многоцелевое и эшелонированное деформирование ментальности и размывание идентичности, снайперские «взрывы» индивидуального и общественного сознания, запускающие «цепные реакции» разрушительного хаоса и паники. Не случайно на фронтах новейших гибридных войн приоритетной мишенью стали профессиональные журналисты, гибель которых отмечается повсеместно (более 100 человек ежегодно и тысячи блогеров).

Тактическое ментальное оружие в современной гибридной войне приобретает все большее значение, сопоставимое со стратегическим ядерным вооружением, которое из инструмента сдерживания эволюционировало в атрибут **цивилизационного суицида**,

практически исключая точность ответа или превентивного удара. Гибридные войны актуализировали новые классы нелетальных и анонимных ментальных вооружений, имеющих прямой и адресный доступ к индивидуальному и общественному сознанию субпопуляций виртуальных социальных сетей.

Ментальный терроризм сайентологии

Сайентология — международное движение, состоящее из системы компилятивных религиозных идей и околонучных практик, ориентированных на людей, стремящихся к успеху. Такое достаточно комплиментарное определение широко представлено во множестве источников и отражает стремление международной секты к имиджу вполне просоциального общественного движения.

В терминологии и методологии ментальной экологии сайентология — это форма ментального терроризма из арсенала гибридной войны, приводящего к деформации индивидуального и общественного сознания, развитию деструктивной социальной эпидемии, деморализации и дегуманизации социума. **Ментальный терроризм — это нелетальное оружие самого массового поражения в современной гибридной войне.**

Важно отметить, что за последнюю четверть века на Украине был устроен буквально «сектантский шаш»», апогеем которого можно считать официальную регистрацию «Церкви Сатаны» в августе 2014 года. Сайентология, как и другие международные секты, сыграла важную роль в деформации общественного сознания Украины **в латентную фазу подготовки современной гибридной войны**, направленной против России и всего Православного Мира.

Миссия международных неокультов, и в частности сайентологии, состоит в ручной сортировке и фильтрации, манипуляции и эксплуатации зависимых и асоциальных, маргинальных и неконформистских субпопуляций. В эпоху глобальной паутины способы как адаптивного управления, так и дезадаптивного манипулирования индивидуальным и общественным сознанием все больше перемещаются в Интернет, позволяющий индустриализировать и интенсифицировать в поточном режиме целевое тестирование и скрининг как отдельных пользователей, так и субпопуляций социальных сетей.

Скорость и масштабы распространения сайентологии в существенной мере предопределены маркетинговой стратегией финансово-культурной пирамиды, когда привлечение и эксплуатация новых и новых адептов поощряется очень конкретными бонусами. Другая особенность пирамидального маркетинга гораздо более драматична и состоит в том, что утратившие актуальность для «церкви сайентологии» адепты должны вовремя избавиться её от избыточной социальной заботы, т. е. тихо умереть: **любая пирамида пожирает своих строителей.** По существу это — управляемая саморазрушающаяся ментальная, поведенческая и физическая («ритуал R2-45») эвтанизация, тщательно скрываемая от взора

общественности, что несложно сделать продюсерам глобальной сети, опекающим сайентологов.

Присутствие или позиционирование в рядах «сайентологической церкви» ряда медийных персонажей часто оказывается банальной рекламной сделкой.

«Церковь сайентологии» фактически выдаёт своим адептам **универсальную индульгенцию** на любые сколь угодно противоправные действия, предоставляя безграничные права и свободы без оглядки на законодательно закреплённые обязательства и ответственность гражданина перед обществом и государством. Этим в существенной мере объясняется беспрецедентная частота судебных разбирательств с «церковью сайентологии», которая их использует для скандально-рекламных маркетинговых кампаний, приносящих беспроигрышные дивиденды независимо от конкретного судебного решения.

В самом деле, если суд осуждает сайентологов — это подаётся как преследование борцов за гражданские права, создавая сектантам ореол «мучеников совести». Если сайентологи побеждают в суде — это «торжество либерально-демократических свобод». Такая **беспроегрывная универсальность является одним из признаков ментального терроризма**, деформирующего и разрушающего общественное сознание, традиционные уклады жизни и культуру.

Американские сайентологи появились в СССР в раннегорбачевский период, затем в раннеельцинский период к ним присоединились американские же сектоведы, обеспечившие им дополнительную скандальную рекламу. Ведь одной из приоритетных задач ментального терроризма (как и любой другой формы терроризма) является «взрыв» общественного сознания с помощью СМИ, TV и Интернета. Пора задуматься об адекватности боевых действий в мировой ментальной террористической войне, одним из итогов которой становится **субпопуляция «верующих без религии» («nones», «бедной веры»).**

Ее появление предсказал еще четверть века назад Виктор Франкл [16] в интервью американскому журналу «Таймс»: «... существует тенденция к уходу не от религии, а от тех верований, которые занимают только переманиванием верующих друг у друга. Мы движемся не к универсальной, а к личной и глубочайшим образом персонализированной религиозности».

Это подтверждается многими особенностями ментального феномена «верующих без религии», отличающихся высоким уровнем образования и профессионализма, автономностью и независимостью, а главное — доступностью для реального контакта исключительно или преимущественно в виртуальном мире. «Nones» вообще предпочитают говорить «нет». Даже учитывая всю условность избранной в статье ассоциативной модели, представляется возможным отнести общественное сознание этой активно растущей субпопуляции к ведущему фактору накапливающейся «новой критической массы» «термоядерного ноосферного заряда». Если локальные «ядерные ноосферные взрывы» стали банальностью серийных «цветных революций», то критическая

масса и механизмы «термоядерного ноосферного расщепления» могут стать новой цивилизационной проблемой с неочевидными сценариями самой возможности жизнеобеспечения.

Инспирированная США бурная полемика сайентологии и сектологии официальных конфессий имела и гораздо более глубокую задачу в *разрушении базовых структур национальной безопасности государства, которую можно назвать кумулятивной стратегией международного ментального терроризма.*

Так, втягивания Совет национальной безопасности Украины во внешне удобные и простые формы «ручной полевой работы» «одиторов» международной секты обернулось, как всегда, очередной ментальной ловушкой, название которой эволюционировало от русской формулы «Простота хуже воровства» в новейшую украинскую модель «просто воровства». Ведь классикой психологии разведки является тезис, что «двойной агент — всегда чужой агент». К тому же международные религиозно-финансовые пирамиды имеют гигантский опыт достаточно незатейливого подсаживания «на деньги» представителей любых госструктур, готовых очень конкретно обеспечивать им дополнительные предпочтения. Пафосное позиционирование себя официальными государственными и политическими деятелями в качестве «пасторов» или «одиторов» является *феноменом легитимизированной вербовки*, которая может без актуальности восприниматься только маргинализированным обществом. Тот факт, что ряд первых лиц Украины являются «национальными смотрящими» от хозяев, завербовавших их международных сект, говорит о критической деморализации общественного сознания страны и буквальном разгроме как структур национальной безопасности, так и традиционных официальных конфессий.

Не случайно главное отличие неокультов (в т. ч. сайентологии) от Православия в рудиментарности и фрагментированности, поверхностности и меркантильности эксплуатации символов и смыслов образа Бога. Современное «клиповое сознание», навязываемое маргинальной поп-культурой, построено именно на рудиментарной и фрагментированной виртуальной реальности, зеркально-рикошетно дробящей реальную идентичность и деформирующей ментальность.

Реализуемая сайентологами в СМИ популяционная форма ментального терроризма представлена «ковровым клеветническим бомбометанием и выжиганием напалмом лжи» общественного сознания стран и народов. Если четверть века назад ещё можно было обсуждать характеристики деструктивного контроля сознания, признаки вербовщика и стадии взаимодействия с психоманипулятором, формы и типы виктимности, механизмы и стратегии воздействия на личность, то сегодня снижается даже необходимость персонифицирования и опосредования деструктивного манипулирования общественным сознанием. Со всем этим эффективно справляются сетевые и системные СМИ и Интернет, через которые реализуются

культурально-специфические формы управления общественным сознанием, продосируемые в т. ч. американскими сайентологами.

Откровенно рекламным маркетинговым ходом церкви сайентологии явилась организация в 1969 году *«Гражданской комиссии по правам человека»* — некоммерческой организации, занимающейся расследованием и преданием гласности нарушений прав человека в области психиатрии. *Радикальное антипсихиатрическое движение сайентологов* — это всего лишь форма саморекламы и легитимизации в огромном фронте борцов за гражданские права и свободы в духе политкорректности, стыдливо забывающей об обязанностях и ответственности.

Созданная нами *ментальная медицина является системным синтезом тезиса клинической психиатрии и антитезиса антипсихиатрии.* Она аккумулирует и позитивно преобразует всю аргументацию антипсихиатрии в новой синергетической биопсихосоциодуховной методологии. Здравотцентрическая ментальная медицина стала новой парадигмой развития психиатрии. Вся антипсихиатрия держалась только на реально существующем кризисе редукционизма описательной психиатрии [11]. *Синергетическая интегративность новой методологии ментальной медицины создает реальные предпосылки для завершения эпохи антипсихиатрии*, предложив новые технологии укрепления ментального здоровья и лечения ментальных недугов [19].

Развитие сайентологической пандемии

Обобщенно и несколько условно синергетическая концепция развития сайентологической пандемии представлена в табл. 1. В иллюстрации приведены только основные маркеры динамического расстройств, имеющего огромную поливалентность и многовариантность, связанные с клинико-психопатологической и соматоневрологической, социально-психологической и духовно-нравственной личностной типологией, а также с формами и траекториями эпидемического развития в 154 странах мира.

Для удобства восприятия синергетическая эпидемическая модель приведена в плоскостной проекции, хотя она многомерна и нелинейна, неустойчива и незамкнута. Траектории развития задаются и корректируются в точках бифуркации, приобретая спиралевидность и многовариантность. На смену линейной нозоцентрической динамике с традиционными этапами и стадиями приходят нелинейная дискретность и фрактальность. Фрактал — это проекция на широкое естественно-научное поле квантовых представлений. Фрактал — интервал развития диссипативной системы со своими внутренними механизмами самоорганизации и саморазвития, многовариантными траекториями движения в многомерном пространстве. В табл. 1 приведен только прогрессивный вариант эпидемического развития неокульта в четырех взаимозависимых плоскостях социогенеза и психогенеза, соматогенеза и анимогенеза. Эпидемичность расстройства и его индивидуальные траектории развития определяются

Таблица 1

Фрактальная динамика сайентологической пандемии

Вектор онтогенеза	Донозологические фракталы			Нозологические фракталы		
	Предиспозиции: аддиктогенная и /или маргинальная семья и/или среда	Латентный: аддиктогенные диатезы	Инициальный: обращение — вербовка	Дебюта: социальная эпидемия	Хронизации: деструктивная социальная эпидемия	Исхода: пандемия и терминальные осложнения
Соматогенез	Наследственная соматическая отягощенность	Нарушения нейропроцессов	Соматоформные дисфункции	Соматизированное расстройство	Коморбидное психосоматическое заболевание	Сомато-неврологические осложнения и деградация общественного здоровья
Психогенез	Психопатологическая отягощенность	Полимодальная психопатизация личности	Асоциальная и/или зависимая личность вне личностного расстройства	Асоциальное и/или зависимое расстройство личности	Асоциальное и/или зависимое развитие личности	Психический дефект и деструкция общественного сознания
Социогенез	Нарушения структуры и функции семьи	Нарушения социализации личности	Непатологическое зависимое и/или асоциальное поведение	Патологическое зависимое и/или асоциальное поведение	Социальная декомпенсация	Социальная дезадаптация и дегуманизация социума
Анимогенез	Духовно-нравственная дефицитарность семьи	Нарушение формирования нравственных чувств	Деформация нравственного облика	Утрата нравственной позиции	Аморальное и противоправное поведение	Серийная преступность и деморализация общественного сознания

уникальным сочетанием разнообразных биопсихосоциодуховных факторов, эффективностью защитно-компенсаторных и адаптационных механизмов.

Анимогенез (онтогенетическое духовно-нравственное развитие личности) начинается во фрактале *предиспозиции — маргинальной семьи* (и/или среды), отличающейся *духовно-нравственной дефицитарностью и амбивалентностью*, высокой частотой асоциальных и зависимых расстройств у родителей и ближайших родственников, разнообразными формами насилия и притеснения, придинок и запугивания.

Раннее навязывание в детском и подростково-юношеском возрасте роли и образа морального изгоя приводит к формированию извращенных и упрощенных ментальных моделей межличностного взаимодействия и поведения. Такая семья и миллисоциальная среда аномичны и перmissive по своей природе, с высокой вероятностью изначально маргинализируют и дегуманизируют нравственно-ценностные основы личности.

В *латентном фрактале аддиктогенных диатезов* появляются защитно-компенсаторные и протестные поведенческие реакции самоутверждения, усиливающие поляризацию отношений и изоляцию. *Нарушается формирование первичных нравственных чувств:* совести и долга, веры и ответственности.

Деформация духовного развития проявляется искажением самооценки и непониманием смысла жизни, неготовностью и уходом от полноценного индивидуально-ответственного поведения, неразвитостью нравственного самосознания и моральной ответственности.

В *инициальном фрактале обращения и вербовки адепта* в ходе массивированной бомбардировки вниманием и любовью, «одитинга» и «кли-

рования» происходит тренинговое и практическое поведенческое закрепление *деформированного нравственного облика*, когда чувства любви и верности существуют лишь в отношении сайентологии и Рона Хаббарда лично. Всё это закладывает основы будущего развития *синдрома сайентологической деморализации*.

Во *фрактале дебюта сайентологической социальной эпидемии* утрачивается просоциальная духовно-нравственная позиция личности и формируется синдром деморализации со снижением способности различения добра и зла, дружбы и любви, аморфностью и дефицитарностью личности, низкой самокритичностью и расстройством идентичности, стереотипизацией видения перспективы жизни исключительно в борьбе за идеалы «церкви сайентологии», утратой осознания ценности человеческой жизни («ритуал R2-45» с кольцом). Сайентологов отличает архаичная и бинарная этическая картина мира со стёртыми гранями между реальностью и фантазиями. Они фиксированы на доминирующих представлениях о своей мессианской роли и искажённо-мифологизированном образе врага (в частности, психиатра и психиатрии), пребывая в плену навязчивых и сверхценных идей, особого смысла и высокого предназначения жизни с поведенческим и очень не бескорыстным служением своей церкви и пирамидальной бизнес-корпорации.

Фрактал хронизации деструктивной сайентологической социальной эпидемии представлен различными типами и формами развития аморального и противоправного поведения, угрожающих общественному сознанию и национальной безопасности страны. Синдром сайентологической деморализации проявляется избирательной и лакунарной утратой принятой в обществе моральной опосредованности

поведения, основанной на представлениях о добре и зле, должном и недопустимом, демонстративным пренебрежением любыми моральными обязательствами и отказом от нравственного самоконтроля, несамостоятельностью действий и безответственностью поступков, неспособностью к нравственной самооценке поведения и соблюдению этических норм делового общения, утратой личностной и социальной идентичности, девальвацией правосознания и законопослушности, избеганием личного морального выбора и любой ответственности, проявляющихся акциями и действиями под знамёнами сайентологической церкви.

Фрактал исхода характеризуется максимальным эпидемическим уровнем пандемии, терминальными осложнениями и последствиями для общественного сознания. Этическая составляющая тяжелого асоциального развития личности, достигающего с коморбидными и ассоциированными расстройствами уровня психического дефекта, делает адепта абсолютно невосприимчивым к контраргументам и разубеждению, приводя к утрате прагматизма и рациональности, отсутствию страха и раскаяния.

Все это позволяет «одиторам»-манипуляторам легко «создавать» новые и новые поколения адептов. Фактически они занимаются **ментальным терроризмом – индивидуальным, деструктивным и корыстным манипулированием сознанием адептов.** Отличие ментального терроризма от традиционных форм пропаганды и агитации только в популяционном формате общественного сознания, «атакуемого» СМИ в рамках информационных войн. Растущая сетевая интерактивность и резонансность глобального мира делает информационный фронт не просто ведущим в любой террористической войне, а превращает саму войну в мировую ментальную: против Православного Мира, Исламского Мира и т. д. Противостояние Русской православной церкви (РПЦ) сайентологам и другим неокультам – это один из фронтов **ментальной террористической войны** за общественное сознание Православного Мира. Победить в такой войне традиционными средствами очень сложно, поэтому её итогом становится увеличение субпопуляции «верующих без религии» (до 30 % в России).

Развитие синдрома сайентологической деморализации исключительно многовариантно и предопределено исходной этической типологией личности, этнокультуральными и социально-экономическими, религиозными и политическими факторами среды обитания, все более и более превращающейся в дегуманизированный и деморализированный **«террористический мир», подрывающий цивилизационные и гуманистические основы человечества.**

Социогенез (онтогенетическое развитие социальных ролей и отношений) во **фрактале предиспозиции** характеризуется высокой частотой разнообразных нарушений структуры и функции маргинальной семьи, в существенной мере предопределяющих ментальную репрезентацию деструктивных когнитивных моделей

дисгармоничных межличностных отношений: культура силы и агрессии, унижений и оскорблений, социальной депривации и изоляции, негативизма и протеста. Такой поведенческий стереотип просто нуждается в судебных преследованиях, скандалах и конфликтах, антипсихиатрических акциях и маршах протеста только для того, чтобы привлечь к себе внимание.

В латентном фрактале аддиктогенного диатеза в результате нарушений созревания и социализации личности в дисгармоничной миллिसоциальной среде происходят дисперсия и инверсия «аддиктогенной мишени» в «ментального террориста». Такая личность не имеет полноценных психосоциальных ресурсов для продуктивной самореализации в учебной и трудовой деятельности, коммуникативной среде и семейных отношениях. Во многом именно поэтому по компенсаторным механизмам развивается непатологическое зависимое и асоциальное поведение, характеризующееся извращенными обсессивными фантазиями, реализуемыми в садистических и жестоких компульсивных групповых издевательствах над беззащитными животными и уязвимыми сверстниками, подчиненностью собственных интересов той или иной парафии, длительной фиксацией внимания и снижением способности контролировать погружение в асоциальную зависимость, несамостоятельностью и пассивностью в выборе стратегий поведения и вербального реагирования, само- и взаимоиндукцией при сайентологическом обращении и вербовке в инициальном фрактале.

Во фрактале дебюта сайентологической социальной эпидемии референтное ядро эпидемического очага и его лидеры обнаруживают **патологическое зависимое и асоциальное поведение**, отличающееся наличием эпизодов измененных состояний сознания при реализации психической и физической зависимости, непреодолимостью и компульсивностью асоциальной деятельности, стереотипизацией сектантского стиля жизни, синдромом отмены между деликтами и ментальными терактами, «клирингом» и «одитингом» клептоманического сетевого маркетинга.

Во фрактале хронизации разворачивается сайентологическая деструктивная социальная эпидемия, имеющая различные инструменты и механизмы при разных видах и формах ментального терроризма, но неизбежно приводящая участников эпидемического процесса к **социальной декомпенсации** и угрожающая национальной безопасности страны в целом.

Во фрактале исхода формируется тотальная социальная дезадаптация или приспособление деформированной личности к условиям жесткого контроля сознания. Развитие сайентологической пандемии сопровождается и корреспондируется с разнообразными социальными **маркерами глобального дегуманизационного кризиса и цивилизационной деградации**: банкротств и безработицы, суицидов и преступности, миграции и т. п.

Психогенез (онтогенетическое развитие психических функций) во **фрактале предиспозиции** в существенной мере предопределен преморбидной

психопатологической отягощенностью маргинальной семьи, отличающейся немотивированной психоэмоциональной неустойчивостью и коммуникативной дефектностью. Растущие в такой семье дети, даже на фоне ортодоксальной религиозности и патриархальности, ощущают острый дефицит эмоциональных связей, тяжело переживают раннее лишение родительской заботы и семейного тепла, пытаются их компенсировать склонностью к фантазированию и требованиями повышенного внимания. Частая ранняя психическая травматизация нередко становится матрицей ментальной репрезентации завтрашнего собственного стиля саморазрушительной жизни.

В латентном фрактале аддиктогенных диатезов формируются и закрепляются аддиктивные радикалы психопатизации и ранней деформации личности, проявляясь опережающими злобно-агрессивными вербальными реакциями и импульсивными поступками на любые вызовы и трудности, стереотипизируя агрессивные и аутоагрессивные стили поведения, запуская механизмы гиперкомпенсаторной «асоциальной истерии» и полимодального асоциального зависимого расстройства. Такая личность, сталкиваясь даже с банальными жизненными препятствиями, может давать разнообразные социально-стрессовые расстройства, ускоряя процесс формирования первичного зависимого паттерна, который в дальнейшем может многократно менять модальность или форму зависимости, но стойко сохранять асоциальный радикал, поглощающий ядро личности.

В инициальном фрактале «сайентологического причащения» и вербовки (т. е. адепт сам является мишенью ментального терроризма) поведенчески реализуются ранее усвоенные ментальные схемы и сценарии асоциального самоутверждения, едественно возможного по имеющимся когнитивным и культуральным личностным ресурсам. У **асоциальной и зависимой личности вне личностного расстройства** появляются яркие реалистичные реминисценции и героизирующие сайентологию фантазии на фоне инфантильности и внушаемости, простодушия и чувственной непосредственности, любопытства и высокой поисковой активности, максимализма и эгоцентризма, впечатлительности и нетерпеливости, склонности к риску и вызову опасности. Только в уголовных бандах и тоталитарных сектах, экстремистских и террористических группировках такая личность получает шанс преодолеть комплекс неполноценности отверженного в просоциальной среде и расстаться с унижительным шлейфом «белой вороны». Вытеснение и дезактуализация обсессивных реминисценций о травматогенной юности, проходившей в многочисленных унижениях и утратах, сопровождается гиперкомпенсаторной потребностью отомстить не только конкретным обидчикам, но и всему жестокому и несправедливому миру. В этом проявляются психологические механизмы генерализации сайентологической эпидемии ментального терроризма.

Среди сектантов встречаются все 10 типов расстройств личности, описанных в МКБ-10, но для

запуска эпидемического процесса наибольшее значение имеют взаимодополняющие асоциальное и зависимое или их радикалы. Эпидемия развивается по механизмам само- и взаимоиндукции, углубляя расстройство личности.

Пограничное расстройство личности — это тяжелая эмоциональная нестабильность и импульсивная агрессивность, нарушения межличностных отношений и саморазрушающее поведение. Распространенность 1,5–2 % среди населения. Личностное расстройство — это укоренившиеся стили поведения и мышления с ригидными ответными реакциями в чрезмерно выраженных формах. Распространенность 6–18 % [7].

Если во времена К. Schneider [18] от этих расстройств страдал как сам больной, так и общество в целом, то сегодня эпидемическое распространение ментального терроризма, мобилизуя механизмы индукции и генерализации, превращает их в глобальную популяционную мутацию. Кроме того, надо учитывать, что до 30 % населения имеют разнообразные формы зависимостей [9], управляемое социальное переключение модальности которых может быстро приводить к возникновению социальных эпидемий. В этом контексте сайентологи, как и другие неокульти, выполняют миссию «сектантской сенсбилизации» и скрининга общественного сознания страны-мишени, позволяя корректировать бюджет очередной «перегрузки-перегрузки».

«Проблема в том, — пишет известный религиовед Джонатан Атак, — что большинство людей, обращающихся к сайентологам за помощью, находятся в кризисном состоянии. Сайентологическая вербовочная техника, ложно обещающая разрешение всех проблем, направлена на манипулирование людьми и развитие в них внушаемости. С самого начала у новообращенного путем искусственных манипуляций вызывается чувство эйфории. Стремление к этому эйфорическому состоянию, вполне сравнимое с наркотической зависимостью, часто лишает членов всякого критического мышления в отношении организации. Секта очень быстро добивается всеобъемлющего контроля над своим членом, запрещая ему контакт со всеми, кто критически к ней относится, и внушая ему мысли о всемирном заговоре, существующем для уничтожения сайентологии. Отличительной чертой фанатика является его невосприимчивость к любым свидетельствам и доказательствам. Увы, большинство сайентологов, сталкиваясь с критикой их движения, попросту закрывают глаза и уши» [1].

По мнению Ф. В. Кондратьева [6], психическое состояние лица, подвергающегося процедуре «одитинга», следует определить как «временное состояние сознания, характеризующееся суженным его объемом и резкой фокусировкой на содержание внушения, что связано с изменением функции индивидуального контроля и самосознания», то есть дословно совпадает с определением понятия «гипноз», данного в словаре «Психология» (М., 1990, с. 79, «Гипноз») и в других источниках.

В подтверждение мнения о возможности считать

«одитинг» вариантом гипнотического воздействия, помимо упомянутого суженного состояния сознания, в котором находится клиент во время сеанса «одитинга», следует указать на характерное для методики гипнотерапии состояние раппорта — контакта, устанавливающегося во время гипнотического сеанса между гипнотизируемым и гипнотизирующим. (Заключение комплексной медицинской экспертизы ГНЦ социальной и судебной психиатрии имени В. П. Сербского от 30 июня 1999 года по Гуманитарному центру Хаббарда // Центр Ирины Лионского).

Таким образом, в результате сеансов «одитинга» может возникнуть эйфорическое состояние, сходное с наркотическим, которое заставляет клиентов обращаться к сайентологам вновь и вновь. Используя систему «клирования», сайентологи добиваются фанатической преданности десятков тысяч людей. По мнению американского психиатра Дж. Г. Кларка [цит. по 5], сайентологические собеседования, или «одитинги», являются тщательно разработанным способом доведения человека до степени контролируемого транса: «Цель — заставить человека полностью идентифицировать себя с учением, до полного отказа признать иные способы мышления и до отключения от любых внешних культурных влияний».

Фрактал дебюта социальной сайентологической эпидемии представлен чаще всего асоциальными и зависимыми личностными расстройствами у референтного ядра эпидемического очага церкви сайентологии, индуцирующего сподвижников, в существенной мере входящих в полимодальную зависимую субпопуляцию. Зависимые личностные расстройства характеризуются дефицитностью нормативной социальности и расширением спектра асоциальных проявлений, деформированием личности и эмоциональным выгоранием, неспособностью самостоятельно принимать решения за пределами сектантского стиля жизни, частым сочетанием шизоидных черт личности с плохой переносимостью одиночества, что облегчает развитие тревожной депрессии, толкая к совершению деликтов и новых вербовок, дающих временную психоэмоциональную разрядку и пополняющих бюджет.

Фрактал хронизации деструктивной социальной сайентологической эпидемии представлен многовариантными асоциальными и зависимыми развитиями личности, в констелляции которых лидирующее положение начинает занимать собственно ментальный терроризм, становящийся доминирующей зависимостью. Меняющаяся личностная и социальная идентичность, новые когнитивные схемы и ментальные модели делового взаимодействия облегчают модераторам использование уместных эвфемизмов («клиринг» и т. п.) и комплиментарно-компенсаторных ранжированных лэйблов («одитор» и т. п.). Все это ускоряет формирование ядра парafilльной личности, получающей наслаждение от меркантильных манипуляций сознанием новых и новых adeptов. Отнесение парafilлий к зависимым расстройствам [2], а также моббинга, буллинга и

краудинга [19] позволяет и **ментальный терроризм сайентологов рассматривать как самостоятельный вид полимодального зависимого поведенческого расстройства**.

Ритуальное оружие (кольт) и «приборы» («стресс-тест», «Е-метр» и др.) у сайентологов — это, кроме прямого назначения, и **гиперкомпенсаторный легитимизирующий мошенническую деятельность атрибут, маскирующий**: неспособность принимать решения без советов старших наставников; готовность беспрекословно делегировать им полномочия в принятии важнейших решений; опережающую готовность соглашаться с хозяевами из страха быть отвергнутым, даже при осознании того, что те не правы; затруднения начать какое-либо дело самостоятельно; готовность добровольно идти на выполнение рискованных и опасных заданий с целью получить вознаграждение и одобрение; плохую переносимость одиночества и готовность предпринимать любые усилия, чтобы его избежать; ощущение опустошенности или беспомощности при выпадении из своей «церкви»; легкую ранимость и манипулятивную уязвимость, охваченность тревогой и страхом быть отвергнутым, толкающие на новые и новые «подвиги».

Во фрактале исхода можно ожидать психический дефект, существенно отличающийся при различных формах сектантской асоциальной зависимости: от синдрома эмоционального выгорания и деструктивного профессиогенеза до психоорганического синдрома при травматических поражениях мозга или химических зависимостях.

Эскалация разнообразных социальных эпидемий ментального терроризма неизбежно приводит к нарастанию **деструкции общественного сознания как интегрального качества ментального здоровья нации**.

Соматогенез (онтогенетическое развитие соматических функций) относится к наименее разработанным аспектам. Общепризнанную важную роль играет неспецифическая наследственная отягощенность (**фрактал предрасположенности**), неблагоприятные интра- и перинатальные воздействия. Ответом на разнообразные вызовы и трудности могут быть различные нормативные психосоматические реакции, которые в дальнейшем переходят в функциональные психосоматические расстройства — органические неврозы (**латентный фрактал**) и соматоформные расстройства, клинически описывающие индивидуальные особенности формирующегося «синдрома отмены» (**инициальный фрактал**). Тяжесть возможных соматизированных расстройств (**фрактал дебюта**) и коморбидных психосоматических заболеваний предопределяется длительностью «синдрома отмены», нежеланием и неспособностью деформированной личности добиваться психоэмоциональной разрядки в рамках адаптивного и просоциального поведения (**фрактал хронизации**).

При всех формах социальных эпидемий отсутствует параллелизм в выраженности психических и соматоневрологических, духовно-нравственных и социально-психологических расстройств. Если химические зави-

симости дают в соматогенезе эволюцию расстройств, существенно связанных с токсическим агентом, то нехимические зависимости в качестве компенсаторного варианта развития чаще имеют коморбидные психосоматические заболевания. Это принято называть механизмом соматизации зависимости. **Во фрактале исхода** можно ожидать различные соматоневрологические осложнения, а на уровне общественного здоровья регресс и деградацию. Понятие коморбидности базируется не столько на традиционном представлении о сочетаемости патологии, сколько на этиопатогенетическом единстве всех форм зависимого поведения.

Важно подчеркнуть, что **разработанная нами модель «синергетического человека» позволяет обрести единую биопсихосоциодуховную методологию анализа всех эпидемических форм зависимых расстройств – от алкоголизма и наркотизма до сектантства и терроризма.**

Синергетика медикопсихосоциодуховной защиты от некультовых социальных эпидемий

Современная психиатрия, имеющая достаточно скромные медико-социальные ресурсы, в принципе не может, да и не должна пытаться в одиночку противостоять полимодальным международным религиозно-коммерческим корпорациям. **Антипсихиатрический фокус деятельности сайентологии является всего лишь эхом классической тоталитарной стратегии «раздели и властвуй»**, когда общественное сознание страны и ее национальная безопасность атакуются в самом уязвимом звене. Нарастающий кризис редукционизма описательной психиатрии является очевидным тому подтверждением [11].

Впрочем, столь же малоэффективны и любые иные ведомственные стратегии сдерживания некультовых социальных эпидемий. Лобовые контратаки сайентологии в лучшем случае отрубает всего лишь очередной «хвост дракона», который всегда снова отрастает, обеспечивая обновление и воспроизводство. Нельзя не признать, что этот некульт замечательно научился искусно трансформировать энергетику борьбы с ним в социогенномодифицированные формы деструктивной деятельности, обеспечивая разрастание новых и новых «щупальцев у многоголового дракона». Так социальная эпидемия некульты эволюционирует в деструктивную и становится в дальнейшем пандемией.

Совершенно очевидно, что **необходимы новые стратегии борьбы, построенные на синергетической биопсихосоциодуховной методологии** ментальной экологии и ментальной медицины.

К принципам новой парадигмы **адаптивной защиты общественного сознания** можно отнести:

- синергетическую интегративность программ и проектов;
- мультидисциплинарность и многоуровневость резонансно-когерентных усилий;
- интерактивность и системность санирующих коммуникаций;
- программно-целевую направленность;

- последовательность и преемственность синхронных мероприятий;
- позитивизм и созидательную конструктивность;
- гражданско-патриотический национальный резонанс;
- гуманитарно-гуманистический общечеловеческий рефрен;
- сквозное гендерно-возрастное организационно-методологическое и инструментально-технологическое объединение подходов;
- единство здорового образа и нравственного смысла жизни;
- духовно-нравственную доминанту в построении общественных и волонтерских движений и др.

Синергетический подход, лежащий в основе методологии ментальной медицины, предполагает существенный пересмотр профилактических и лечебно-реабилитационных стратегий помощи зависимым личностям, изменение идеологии и методологии традиционного социо- и психотерапевтического, психолого-психиатрического и аддиктологического сервиса. Зависимая личность требует непрерывной и интерактивной санации и коррекции, которые могут изменить лишь вектор и модальность зависимости. Задача терапии у такой личности состоит в максимально ранней замене модальности зависимости с деструктивной на конструктивную, с дезадаптивной на адаптивную, с асоциальной на просоциальную, с аутоагрессивной на самосохраняющую. Превентивная стратегия в отношении зависимой субпопуляции требует адекватной и регулярной загрузки **адаптивным социально-психологическим и духовно-нравственным контентом.**

На основе синергетической концепции развития деструктивных социальных эпидемий нами разработана программа [19] превентивно-коррекционной и лечебно-реабилитационной помощи, представляющая собой **единый мультидисциплинарный протокол**, реализуемый бригадой специалистов. Данная программа включает четыре блока: медицинский и психологический, духовно-нравственный и социальный (табл. 2). Эти блоки базируются на основании четырех взаимозависимых плоскостей онтогенеза (социогенеза и психогенеза, соматогенеза и анимогенеза), представляющих синергетическую методологию ментальной медицины.

Медицинский блок в рамках соматогенеза включает оказание помощи специалистами психиатрами и наркологами, врачами общей практики и врачами-терапевтами.

Психологический блок помощи в рамках психогенеза предполагает участие специалистов, занимающихся психическим здоровьем: психотерапевтов, клинических психологов, психиатров.

Социальная помощь оказывается в векторе социогенеза с участием социальных служб (специалистов по социальной работе, социальных работников).

Духовно-нравственный блок анимогенеза реализуется с участием консультантов и экспертов по этике,

Таблица 2

Программа медикопсихосоциодуховной защиты от некультовых социальных эпидемий

Блок	Донозологические фракталы			Нозологические фракталы		
	Предиспозиции: маргинальная и/или аддиктогенная семья	Латентный: аддиктогенные диатезы	Инициальный: вербовка, функциональные расстройства	Дебюта: социальная эпидемия	Хронизации: деструктивная социальная эпидемия	Исхода: пандемия и терминальные осложнения
Медицинский	Выявление лиц с наследственной предрасположенностью, включение их в группу риска, раннее профилактическое обследование	Выявление лиц с органическими неврозами	Диагностика соматоформных дисфункций; медикаментозные и немедикаментозные воздействия	Выявление коморбидных психических заболеваний, назначение медикаментозной терапии, профилактика осложнений	Адекватная медикаментозная терапия психогенной органической стигматизации и психосоматических заболеваний	Лечение сомато-неврологических осложнений
Психологический	Выявление лиц с психологической отягощенностью и проведение с ними профилактических мероприятий	Санация психопатизации личности	Выявление зависимой личности вне личностного расстройства и коррекция нарушений	Коррекция стойких личностных нарушений, психотерапия	Психотерапия и психофармакотерапия зависимого расстройства личности	Психологическая реабилитация при психическом дефекте
Социальный	Выявление и коррекция нарушений структуры и функций семьи	Коррекция нарушений социализации личности	Коррекция непатологического зависимого поведения	Комплексное лечение патологического зависимого поведения	Коррекция социальной декомпенсации	Социальная реабилитация
Духовно-нравственный	Скрининг и коррекция «морального климата» семьи	Коррекция формирования и развития нравственных чувств	Коррекция формирования и развития нравственного облика	Реконструкция нравственной позиции	Реконструкция нравственного поведения	Духовно-нравственная реабилитация

Ментальная превентология

Клиническая психиатрия

Ментальная медицина

клинических психологов и врачей общей практики, знающих особенности морального климата семьи пациента или клиента. Используются психотерапевтические, образовательные и тренинговые методики, техники личностного роста и коучинг, купирующие синдромы деморализации и деструктивного профессиогенеза. При конфликтных ситуациях проводится медиация на базе этических комитетов. Пациенты и клиенты привлекаются к развивающим программам общественных организаций, закрепляющих адаптивные стратегии в этике делового общения. Эти же задачи выполняет вовлечение пациентов в волонтерские и социальные движения парапрофессионалов, востребованных в реабилитационных программах помощи зависимым. Воцерковленным пациентам могут эффективно помогать духовные наставники – представители РПЦ и официальных конфессий.

Выполнение перечисленных задач позволяет сформулировать **синергетический функциональный диагноз** [11], включающий клинический и психологический, социальный и этический диагнозы, а также коморбидные и ассоциированные расстройства. На основе функционального диагноза обосновывается индивидуальный превентивно-коррекционный или лечебно-реабилитационный маршрут клиента или пациента. Миссия и объем усилий каждого специалиста расписываются в мультипрофессиональном бригадном протоколе. Только такой подход позволяет обосновывать и реализовывать индивидуальные

мультидисциплинарные программы превентивно-коррекционной и лечебно-реабилитационной помощи на базе биопсихосоциодуховной методологии.

Первичные профилактические мероприятия должны проводиться еще **во фрактале предиспозиции**, где они могут быть направлены на выявление наследственной и психологической предрасположенности, а также социально-психологическую и духовно-нравственную гармонизацию семейных отношений.

В **латентном фрактале** мероприятия направлены на выявление лиц, склонных к развитию органических неврозов, на коррекцию моральной социализации личности, психопатичных личностных черт.

В **инициальном фрактале** при возникновении непатологического зависимого поведения предполагаются медикаментозные и психотерапевтические воздействия, препятствующие развитию зависимого поведения и деформации нравственного облика. Во **фрактале развернутой клинической картины** требуется ранняя квалифицированная аддиктологическая и психотерапевтическая, психологическая и социальная, духовно-нравственная помощь.

Во **фрактале хронизации** проводится адекватная медикаментозная терапия, психотерапевтическое лечение зависимого расстройства, социально-психологическая и духовно-нравственная коррекция синдрома деморализации во всех его вариантах от наркотического и алкогольного до сектантского и террористического.

При угрозе возникновения *психического дефекта и социальной дезадаптации* необходима психологическая и социальная, медицинская и духовно-нравственная реабилитация, которая может быть организована на мультидисциплинарной основе службой ментального здоровья.

Ключевым звеном службы ментального здоровья является бригада или команда, позволяющая за счет многоканальности и полимодальности усилий запускать резонансные и кумулятивные социогенетические и анимогенетические, психотерапевтические и биогенетические механизмы, аккумулированные в саногенетической терапии.

Саногенетическая терапия — адаптивное биопсихосоциодуховное управление сознанием пациента/клиента, дестабилизирующее устойчивое патологическое состояние, активирующее резервы организма и ресурсы личности, восстанавливающее и гармонизирующее структурно-функциональные системы жизнедеятельности.

Как 70 лет назад технологии ядерного оружия позволили создать конверсионные атомную энергетику и радиационную медицину, так и сегодня ментальное оружие создает неоконверсионные технологии ментальной медицины и ментальной экологии. Одним из примеров таких технологий и является саногенетическая терапия, инструментально реализующая парадигму национальной безопасности, активно и каждодневно испытываемой изощренными и латентными методами гибридной войны. Правда, в случае с ментальным оружием более уместно было бы назвать его инверсионным, выросшим из боевого извращения техник психотерапии и психокоррекции. Это вполне укладывается в дегуманизационный цивилизационный тренд *современной гибридной эпохи*.

Ментальная вирусология Интернета описана во множестве руководств, но только синергетическая биопсихосоциодуховная методология ментальной экологии позволяет мониторировать и прогнозировать в 4-мерном пространстве всё эпидемическое многообразие клинически и поведенчески значимой феноменологии. При этом четвертое духовно-нравственное измерение анимогенеза всё в большей мере становится ведущим маркером адаптивности или деструктивности контента виртуального мира, интерактивно корреспондируясь со смысловыми измерениями идентичности и ментальности как отдельной личности, так и общественного сознания субпопуляций социальных сетей.

Принципиально важно отметить, что именно **синергетическая методология ментальной экологии позволяет превратить мифологизированное кибероружие в конверсионные превентивно-коррекционные и лечебно-реабилитационные технологии ментальной медицины и ментальной превентологии**.

Ментальная превентология социальных эпидемий имеет гигантский арсенал способов и методов. Было бы абсолютно избыточным даже пытаться упоминать

сотни видов психокоррекции и психотерапии. Отмечу лишь популярные полуфольклорные «блюда» нашей ежедневной «ментальной TV-кухни» от «Уральской пельменной» нутриционной терапии до «Задорных» смехотерапевтических кольцевых марафонов. При всем этом здоровая ирония и самоирония народа остается важнейшим саногенетическим ресурсом резильенса общественного сознания [12]. Сама же ментальная превентология становится все в большей степени **гражданской самообороной** от деструктивной ментальной вирусологии. Такая казалась бы избыточно пафосная смена акцентов во вчера совсем банальной психопрофилактике сегодня абсолютно оправдана.

Так, запуск английскими спецслужбами в Интернете глобальной ментальной контртеррористической операции «Не от моего имени» явился очередным витком развития мирового террористического самоуничтожения. **Персонализированный и авторизованный антитеррор — это «дуэль на брудершафт»**, обеспечивающая гарантированное самоубийство [19]. Не случайно еще Григорий Померанц говорил: «Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за святое правое дело. Всё превращается в прах: и люди, и системы».

Маховик политической и ментальной инерции проявился принятием на Совете Безопасности ООН (24.09.14) очередного решения о создании мировой системы борьбы с терроризмом, хотя весь новейший опыт такой борьбы сводился буквально к «тушению пожаров керосином». Да и можно ли ожидать эффективной борьбы, когда вся мировая система построена на **ментальной террористической идеологии**: санкции, угрозы, шантаж и т. п. Все это больше похоже на иллюзорно-имитационную деятельность, призванную лишь маскировать **глобальную депопуляционную стратегию**, всесторонне стимулирующую процессы цивилизационного самоуничтожения.

В самом деле, Усама Бен-Ладен взращивался Америкой против СССР на афганском театре боевых действий, но нанёс моментальный необезоруживающий удар именно по США. Так и боевики «Исламского государства», вооружаемые Америкой против Б. Асада, стали самостоятельной глобальной угрозой, потребовавшей массированных НАТОвских бомбардировок. Боевики ИГ «прославились» публичными казнями заложников-иностранцев, похищение и получение выкупа за которых является основной статьей доходов. Среди казненных весной 2014 года был россиянин Сергей Горбунов. В настоящее время в плену находится несколько тысяч заложников (27.10.14.; 9tv.co.il). Таких примеров может быть очень много, но важно задать принципиальный вопрос — кто и что, где и когда станет следующей деструктивной социальной эпидемией, рожденной по механизмам дисперсии и инверсии парадигмы Глобальной Безопасности? По нашему мнению, психотехнологически и кибертеррористически вооруженная, политически экспансивная и экономически эффективная финансово-культульная пирамида сайентологии завтра может,

как минимум, очень удивить своих собственных продюсеров, а как максимум, создать реальную угрозу Глобальной Безопасности.

Эта позиция была поддержана резолюцией VII Международной конференции Православных центров по исследованию новых религиозных движений в С.-Петербурге 18–21.09.2014 года, посвященной «церкви сайентологии» и проводившейся под председательством Вселенского патриарха архиепископа Критского Иринея. На научный форум собрались специалисты по сектоведению из 14 стран мира, представляющие 11 Поместных Православных Церквей. В специальном заявлении конференции было даже отмечено, что «несколько лет назад сектозащитными организациями была устроена кампания по дискредитации личности и деятельности психиатра академика РАН П. И. Сидорова, обличающего в своих работах деструктивную природу сект» (www.missiaspb.ru/newspoint125.html).

Остается только вспомнить давно ставшие «общим местом» заклинания о новом гуманизационном мировом порядке, которые все-таки могут приблизиться к реальности, но только в случае абсолютно очевидной глобальной угрозы. Образно говоря, «беременность мира» цивилизационной войной становится всё более заметной, хотя отцы-основатели рыночной реальности по вековой инерции видят только «сопли» очередной формы «птичьего гриппа», который снова атакует человечество по проторенному африканскому маршруту и требует новой многомиллиардной долларовой мобилизации из бюджета мирового сообщества... Это можно назвать ментальной ловушкой «замыленного общественного глаза», хотя правильной было бы обозначить в рамках семиотики ментальной медицины как **«синдром приобретенного ментального иммунодефицита»**. К сожалению, такое явление пока воспринимается исключительно односторонне как безусловное достижение международной «ментальной вирусологии», продюсируемой из самого богатого бюджета. По этой же причине и Россия на старте проигрывает все информационные войны.

И все же циклы идут не по кругу, а по спирали. Как конница после Первой мировой войны сохранилась только в спортивно-эстетическом формате на ипподромах и в цирках, так и танковое железо сегодня обретает новую эстетику в балете и кордебалете самоходных орудий. Космический и суборбитальный туризм завтра откроет новую страницу пассажирских «хайкостеров». Приближение к задаче **адаптивного ноосферного управления** пока происходит только в совершенствовании антропогенного блока Глобального мониторинга и вирусологического моделирования в Интернете, разработках систем искусственного интеллекта и гибридной нейробионики. Нарастающая угроза полномасштабного развития цивилизационной войны требует запуска полноценной **международной научной программы «Ментальная экологии Глобальной Безопасности»**.

Не случайно на совещании по разработке проекта «Государственной программы вооружений на 2016–2025 годы» (10.09.2014) Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что оппоненты России «...разрабатывают теорию глобального обезоруживающего удара». Одной из возможных основ асимметричного ответа на такую угрозу является развитие **гибридных нейробионических оборонительных систем** — конверсионных технологий, объединяющих электронно-информационные и биомедицинские, социально-психологические и духовно-нравственные ресурсы ментальной экологии и ментальной медицины. Синергетическая биопсихосоциодуховная методология позволяет инструментально-технологически решать эту задачу, а также в 4-мерном пространстве реального и виртуального мира измерять и прогнозировать траектории развития индивидуального и общественного сознания, реализуя приоритеты национальной безопасности.

«Американские ястребы» до сих пор сокрушаются по поводу того, что президент Трумэн позволил СССР догнать Америку в спринтерской ядерной гонке. Стайерскую дистанцию «холодной войны» СССР проиграл. Сегодня развернута буквально «гонка на выживание», но определить в ней победителя будет в принципе невозможно, т.к. «гибридный мир» девальвировал и извратил все представления о правилах и стандартах. Утрата базовых цивилизационных матриц становится критичным приближением к точке невозврата. Завтра будет просто некому вспомнить, что вчера ожидалась война. **Ведь Цивилизационная Война может быть только первой и последней.**

Список литературы

1. *Атак Дж.* Кусочек чистого неба: Хаббард. Дианетика и Сайентология без прикрас. М., 1990.
2. *Бухановский А. О., Бухановская О. А., Шостакович Б. В.* Психические расстройства у серийных сексуальных преступников. Ростов н / Д : Феникс, 2003. 72 с.
3. *Война или здоровье / предисловие Ген. секретаря ООН Кофи Аннана ; сост. И. Тайпале ; под ред. акад. П. И. Сидорова.* Архангельск, 2004. 688 с.
4. *Воронцова Л. В., Фролов Д. Б.* История и современность информационного противоборства. М. : Горячая линия — Телеком, 2006. 192 с.
5. *Дворкин А. Л.* Сектоведение. 3-е изд. Н. Новгород, 2002. 450 с.
6. *Кондратьев Ф. В., Осколкова С. Н.* Проблема религиозных культовых новообразований («сект») в психолого-психиатрическом аспекте : аналитический обзор. М., 2000. 100 с.
7. *Лаукс Г., Мёллер Х. Ю.* Психиатрия и психотерапия : справочник / пер с нем ; под общ. ред. акад. П. И. Сидорова. М. : МЕДпресс-информ, 2010. 510 с.
8. *Сидоров П. И.* Психический терроризм — нелетальное оружие массового поражения // Российский психиатрический журнал. 2005. № 3. С. 28–34.
9. *Сидоров П. И.* Наркологическая превентология. М. : МЕД-пресс-информ. 2-е изд. 2006. 820 с.
10. *Сидоров П. И.* Ментальная экология террористической гражданской войны // Экология человека. 2014. № 7. С. 15–23.

11. Сидоров П. И. Служба ментального здоровья // Экология человека. 2014. № 8. С. 21–34.
12. Сидоров П. И. Ресурсы и направления ментальной превентологии // Экология человека. 2014. № 10. С. 31–43.
13. Сидоров П. И., Совершаева С. Л., Скребцова Н. В. Системный мониторинг ракетно-космической деятельности. М. : МЕДпресс-информ, 2007. 220 с.
14. Стародубов В. И., Сидоров П. И., Васильева Е. Ю. Системный мониторинг образовательной среды. М. : ГЭ-ОТАР-Медиа, 2013. 300 с.
15. Фисун А. Я., Шамрей В. К., Гончаренко А. Ю. и др. Психология и психопатология информационных войн // Военно-медицинский журнал. 2014. № 6. С. 4–12.
16. Франкл В. Человек в поисках смысла. М. : Прогресс, 1990. 368 с.
17. Экология человека в изменяющемся мире / под общ. ред. акад. В. А. Черешнева. Екатеринбург : УрО РАН, 2008. 570 с.
18. Schneider K. Clinical psychopathology. New York : Grune and Stratton, 1959.
19. Sidorov P. I. From bullying to pandemy of terrorism: synergetic bio-psycho-socio-spiritual methodology of Mental health protection // Handbook on Bullying: Prevalence, Psychological impacts and intervention Strategies. NY : NOVA Science Publishers, 2014. P. 300–338.

References

1. Atak Dzh. *Kusochek chistogo neba: Khabbard. Dianetika i Saientologiya bez prikras* [A Piece of Blue Sky: Dianetics and Scientology in their true colors]. Moscow, 1990.
2. Bukhanovskii A. O., Bukhanovskaya O. A., Shostakovich B. V. *Psikhicheskie rasstroistva u seriinykh seksual'nykh prestupnikov* [Mental disorders in serial sex offenders]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2003, 72 p.
3. *Voina ili zdorov'e* [War or Health], Preface of UNO Secretary General Kofi Annan, content by I. Taipale, edited by Acad. P. I. Sidorov. Arkhangelsk, 2004, 688 p.
4. Vorontsova L. V., Frolov D. B. *Istoriya i sovremennost' informatsionnogo protivoborstva* [History and modernity of information confrontation]. Moscow, 2006, 192 p.
5. Dvorkin A. L. *Sektovedenie* [Sectology]. N. Novgorod, 2002, 450 p.
6. Kondrat'ev F. V., Oskolkova S. N. *Problema religioznykh kul'tovykh novoobrazovaniy («sekt») v psikhologopshihiatricheskom aspekte* [Problem of religious cultic new formations («sects») in psychological and psychiatric aspects]. Moscow, 2000, 100 p.
7. Lauks G., Meller Kh. Yu. *Psikhiatriya i psikhoterapiya. Spravochnik* [Psychiatry and Psychotherapy. Reference Book]. Moscow, MEDpress-inform, 2010, 510 p.
8. Sidorov P. I. Mental terrorism - non-lethal destruction weapon. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal* [Russian Journal of Psychiatry]. 2005, 3, pp. 28-34. [In Russian]
9. Sidorov P. I. *Narkologicheskaya preventologiya* [Narcological Preventology]. Moscow, 2006, 820 p.
10. Sidorov P. I., Sovershaeva S. L., Skrebtsova N. V. *Sistemnyi monitoring raketno-kosmicheskoi deyatel'nosti* [System monitoring of rocket-and-space activities]. Moscow, MEDpress-inform, 2007, 220 p.
11. Sidorov P. I. Mental Ecology of Terroristic Civil Wars. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology]. 2014, 7, pp. 15-23. [In Russian]

12. Sidorov P. I. Mental Health Service. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology]. 2014, 8, pp. 21-34. [In Russian]
13. Sidorov P. I. *Resursy i napravleniya mental'noi preventologii* [Resources and trends of mentality preventology] // *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology]. 2014. № 10. S. 31-43. [In Russian]
14. Starodubov V. I., Sidorov P. I., Vasil'eva E. Yu. *Sistemnyi monitoring obrazovatel'noi sredy* [System monitoring of educational milieu]. Moscow, GEOTAR-Media, 2013, 300 p.
15. Fisun A. Ya., Shamrei V. K., Goncharenko A. Yu. i dr. Psychology and psychopathology of information wars. *Voenno-meditsinskii zhurnal* [Military Medical Journal]. 2014, 6, pp. 4-12. [In Russian]
16. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Human being in search of meaning]. Moscow, Progress Publ., 1990, 368 p.
17. *Ekologiya cheloveka v izmenyayushchemsya mire* [Human ecology in changing world], ed. akad. V. A. Chereshev. Yekaterinburg, 2008, 570 p.
18. Schneider K. *Clinical psychopathology*. New York, Grune and Stratton, 1959.
19. Sidorov P. I. From bullying to pandemy of terrorism: synergetic bio-psycho-socio-spiritual methodology of mental health protection. *Handbook on Bullying: prevalence, psychological impacts and intervention strategies*. NY, NOVA Science Publishers, 2014, pp. 300-338.

MENTAL TERRORISM OF HYBRID WARS AND ASYMMETRIC DEFENSE SYNERGETICS

P. I. Sidorov

Northern State Medical University, Arkhangelsk, Russia

In the article, the increased role of mental terrorism and mental weapons in contemporary hybrid wars has been proved. Fractal dynamics of development of destructive social epidemics of totalitarian cults as forms of mental terrorism has been separated via the model of scientology. Importance of international destructive sects and financial-cultic pyramids in deformation of public opinion has been shown. Attribution of scientological “auditors” to universal soldiers of the mental front of the Civilizational War has been grounded. There has been proposed a strategy of asymmetric response to the threat of global momentary drive in the form of development of hybrid neuro-bionic defense systems - inversion technologies uniting electronic-informational and biomedical, social-psychological and spiritual-moral resources of mentality ecology and mentality medicine. Tendencies of dispersion of the global security paradigm in the contemporary hybrid world have been separated, and the necessity of organization of an international scientific program “Mentality Ecology of Global Security” has been proved.

Key words: mental terrorism, hybrid war, social epidemics, global momentary drive, hybrid neuro-bionic defense systems, noospheric resilience

Контактная информация:

Сидоров Павел Иванович – академик РАН, ГБОУ ВПО «Северный государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации
Адрес: 163001, г. Архангельск, пр. Троицкий, 51
E-mail: pavelsidorov13@gmail.com